

времени преимущественно при посредстве летописных или церковных произведений. Поэтому мы можем с полным основанием предполагать, что гражданская литература Киевской Руси вовсе не исчерпывалась одиночными памятниками вроде „Слова о полку Игореве“ или „Моления Даниила Заточника“. В этом нас убеждают русские летописи XI—XIII веков, которые в сущности сохранили немалое количество памятников гражданской литературы, представлявших собой когда-то особые повести.

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин подметил, что повести, известные нам теперь по летописи, когда-то представляли собою отдельные сочинения. Некоторые князья прямо приказывали вписывать в летописи на поучение потомству описание различных бедствий и крамол, как это сделал волынский князь Владимир Василькович. Между тем в курсах истории русской литературы такие повести редко изучаются в виде отдельных произведений, а рассматриваются под общей рубрикой летописей. Таким образом создается совершенно неверное представление об односторонности русской литературной традиции XI—XIII веков, хотя гражданская литература на Руси появилась по крайней мере в X веке, т. е. одновременно или почти одновременно с литературой церковной.

В свое время И. И. Срезневский, а в настоящее время и ряд других исследователей, считал, что начало Повести временных лет представляет собою особое произведение, ставившее своей задачей показать, „откуда Руская земля стала есть“. Действительно, в повести о начале Руси, как ее называл акад. Н. К. Никольский, мы имеем перед собою определенное историческое повествование, повидимому, первоначально лишенное всякого налета церковности. Создатель этой повести интересовался историей полян-Руси, их первыми князьями — Олегом, Игорем, Ольгой, Святославом. Он был чужд позднейших рассуждений о варяжском происхождении князей, для него „словенский язык и русский одно есть“.¹

Кто же писал это произведение, в котором гражданская стихия, интерес к политическим событиям резко преобладал над интересом к событиям церковным? Думается, что автором его во всяком случае не являлся представитель духовенства.

Автор повести о начале Руси прекрасно знал обстоятельства конца X века. Он знал взаимоотношения между сыновьями Святослава. С необыкновенной четкостью и осведомленностью в деталях он описал борьбу Олега с Ярополком, гибель Олега, новую борьбу между братьями, победу Владимира и гибель Ярополка. Ему были известны даже деятели X века: воевода Блуд, который предал своего князя, и некий Варяжко, верный сподвижник Ярополка, который бежал после смерти Владимира к печенегам. Такого рода подробности были бы совершенно непонятны для людей, живших через 30—40 лет после смерти Владимира и описываемых событий.

Следовательно, уже на самой заре русской историографии появляется литературное произведение гражданского характера.

Можно указать несколько повестей, включенных в состав летописей XI—XIII веков, которые не имеют никакого отношения к церкви и не могут быть приписаны официальным княжеским историографам. Так, уже К. Н. Бестужев-Рюмин указывал на существование особого сказания об Изяславе Мстиславиче, положенного в основание известий

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 28.